

Об авторе

Автор бестселлеров, по версии *New York Times*, *Wall Street Journal* и *USA Today*, Пэм Гудвин живет на Среднем Западе с мужем, двумя детьми и попугаем-матершинником. Когда-то она объездила четырнадцать стран на пяти континентах, окончила три университета и вышла замуж за вокалиста любимой рок-группы.

Хороший кофе, сигареты и мрачные истории любви — ее главные слабости, явно более нездоровые, чем ее любовь ко сну, мясу и куклам с хлопающими глазами.

Глава 1

ТУНСАИ

Всего один жалкий минет — и моя жизнь пошла прахом.

Все тусовки, встречи, старшая школа, дизайнерские шмотки... Когда у меня отняли даже шелковые наволочки, весь мой привычный мир изменился к худшему в мгновение ока.

Моя жизнь закончилась.

Все, конец.

И ничего уже не вернуть.

Драматично? Возможно. Но я по-настоящему испугалась происходящего. Одно дело, когда тебя разлучают с семьей и друзьями. Но отправить меня в католическую школу-интернат для девочек...

Здесь я никого не знала. Воздух провонял сырым деревом и печалью. Со стен, будто зловещие предзнаменования, свисали распятия. А зеленая клетчатая униформа? Фу. Мне совершенно не идет этот цвет. К тому же я даже не католичка.

Ну как такое могло случиться?

Мелкими шажками я шла вдоль окон, и мои шаги эхом разлетались по старому, пустому

классу. Солнце закатывалось за вершины гор, окрашивая принадлежащие школе окрестные поля в лавандовый цвет. Вид и впрямь мог быть прекрасным, если бы не... решетки на окнах.

Решетки на окнах третьего этажа.

— Это тюрьма, а не школа. Вот черт. Я в аду, — разбушевалась я и резко повернулась к матери. — Поверить не могу, что ты так со мной поступаешь. Это был просто минет. Ты не можешь из-за этого запретить меня здесь.

— Это место не тюрьма. — Примостившись на деревянной скамейке за первой партой, она не подняла глаз от экрана своего телефона. — Академия «Сион» прививает своим воспитанникам уважение и преданность, два качества, которых тебе в последнее время явно не хватает.

— Только потому, что я потусовалась с парнем? Даже королева Англии занималась этим не меньше четырех раз. Так в чем проблема?

— Королева Англии — женщина, которая дольше всех в истории находится во главе государства. И этот статус она получила не потому, что работала ртом с официантом из «Бургер Кинг». Она исполняла свой долг, проявляла уважение и находилась в примерном браке. — Мама вздернула подбородок и глаза ее заблестели. — И ты, как наследница рода Константин, должна делать то же самое.

Какая чушь.

Кэролайн Константин отлично разбиралась в «примерных браках». Она была не просто главой влиятельного и знатного рода. После папиной смерти она возглавила нашу семью, стала в ней непререкаемым авторитетом и за ней отныне оставалось последнее слово. Кто посмел бы с ней спорить?

Я была почти ребенком. Самой младшей из шести детей. И меня называли драгоценной принцессой. Украшением любого бала. Тини-Тинсли, милейшая из рода Константин.

Другими словами, никто и не думал, что я могу проявить твердость характера.

Да пошли они все. Хоть в прессе с подачи матери меня и описывали как невинную милашку, я могла бы стать такой же непримиримой, как она.

— Мне восемнадцать. — Я уперла руки в бока. — Я могу брать в рот всё...

— Ты Константин. Твой рот представляет нашу семью, так что я буду решать, где и как ты его используешь.

Как же я ее ненавидела. Даже в Бишоп Лэндинг было не так просто завести друзей. Но здесь... В нескольких часах езды от дома? Меня словно приговорили провести свой последний год в старшей школе в одиночестве.

Моей матери удалось найти самую престижную и статусную школу для девочек бог его знает где. Академия «Сион» ордена «Свя-

того сердца» спряталась в старинной деревеньке в Новой Англии, у подножия Белых гор. В гребаном штате Мэн.

В ожидании директора школы я чувствовала себя все более и более одиноко.

До дальних стен классной комнаты вверх уходили ряды сидений и парт, похожих на те, что бывают в аудиториях. А перед ними стоял стол преподавателя, и на стене висела массивная меловая доска.

Благодаря парящему куполообразному потолку пространство казалось воздушным, но тяжелые деревянные парты и потускневшие латунные перила делали старинную атмосферу мрачной и унылой.

Завтра должен был начаться первый учебный день. Когда я только приехала, то сразу заметила, как на меня косятся идущие по коридору ученики. Отвращение к новичкам в их взгляде говорило громче любых слов. На каждый недружелюбный взгляд я тут же отвечала таким же — я не собиралась показывать свою слабость.

Я не могла даже вообразить, как буду сидеть в ряду чопорных девиц в одинаковых зеленых клетчатых юбках. Среди тех, кто готов учиться, молиться и подчиняться.

Просто... Ну нет.

Я хотела влюбляться в парней, носить классные шмотки и жить нормальной жизнью. Неужели я так много прошу?

Минет, сделанный Робби Ховарду, был у меня не первый. Просто Робби только приехал в наш город, поступил в колледж на первый курс и ездил в ближайший университет. Он же не знал, что до меня даже дотрагиваться нельзя.

Я бы даже лишилась девственности с ним, но, как и во всех остальных случаях, нянчащийся со мной телохранитель пресёк это дело на корню.

Может потому, что у Робби не было трастового фонда и ему приходилось работать в «Бургер Кинг», чтобы оплатить обучение? В любом случае, для моей матери это стало последней каплей.

И вот я здесь, во все глаза рассматриваю последствия своего падения.

Сожаление?

Мне было бы неплохо сожалеть. Надо было бы исписать весь обтрепанный по краям дневничок, раскаиваясь в содеянном. У многих восемнадцатилетних девчонок был такой дневник. Но я была не как все. Мне было не позволено ошибаться, а потом сожалеть.

Все думали, что я должна набраться жизненного опыта, при этом будучи идеальной.

Бред сивой кобылы.

— Ты что думаешь, здесь я не вляпаюсь в неприятности? — кипя, набросилась я на мать. — Уж я найду способ, мама. И обязательно найду еще одного Робби Ховарда...

— Еще раз произнесешь его имя — и будешь писать ему за решетку.

— Писать ему? — Я недоверчиво поморщилась. — Я не хочу с ним никаких отношений. Я просто хочу...

— Молчи...

— ... секса. Мне бы хоть раз в жизни повеселиться как следует! — В отчаянии я бросилась перед ней на колени, сжала ее лежащую на подлокотнике кресла руку, и тон мой стал почти умоляющим. — Я хочу жизни обычной девушки: экспериментировать, открывать для себя новое, расправить крылья. Я жить хочу!

— Встань. — Она отдернула руку, а взгляд ее голубых глаз стал ледяным. — Встань на ноги.

— Пожалуйста. Не оставляй меня здесь. Умоляю тебя.

— Члены семьи Константин не умоляют и не стоят на коленях. Встань. Немедленно.

— Я перестану умолять, когда ты меня услышишь. — Я прижалась грудью к ее ноге. — Неужели ты не чувствуешь странную мрачность этого места? Эту подавленность вокруг.

— Не путай подавленность с дисциплиной и порядком. Тебе нужно пожить в строгости.

— Ладно. Тогда отправь меня в Пемброк. Китону там понравилось. Или в любую другую подготовительную школу с совместным обучением. Куда угодно, только не сюда. Здесь все не так. Здесь жутко и тоскливо. — Услышав свой дрожащий голос, я содрогнулась, но мне надо было донести свою мысль до матери. — Даже дерево и кирпич, все не так. Здесь промозгло. И в этих стенах обитает что-то жуткое.

— Да ради всего святого! Это всего лишь твои фантазии.

— Элейн ты то же самое сказала?

Мама побледнела, и на долю секунды я, клянусь, заметила в ее лице эмоцию, что ни разу в жизни не искажала ее идеальных черт.

Раскаяние.

Я не знала, что случилось с моей сестрой, но после того, как ее отправили в религиозную школу, она вернулась совсем иной. Мама знала, почему Элейн впала в депрессию и начала принимать наркотики. Элейн много раз жаловалась маме. Молила ее о помощи.

— Она тебе доверилась. Что бы она ни рассказала тебе о школе «Реверенд Линч», я точно знаю, что там все было просто ужасно. — В груди у меня все сжалось. — А что сделала ты? Ответила ей, что это всего лишь ее фантазии?

— Хватит! — Она внезапно поднялась с места и оттолкнула меня прочь. — Встань.

— Ты можешь все это прекратить. — Я быстро подползла к ней на коленях и схватилась за подол ее обтягивающей юбки. — И ты можешь уберечь меня от повторения ее судьбы.

— Избалованное, вечно драматизирующее дитя. — Она схватила меня за запястье и с силой потянула. — Встань, пока ты не опозори...

Но тут дверь отворилась — и темная, внушительная фигура заполнила дверной проем.

Мама отпустила мою руку, и я свалилась на дощатый пол, пытаясь унять сбившееся дыхание.

В класс вошел человек, одетый в черное с ног до головы. Ботинки, брюки, застегнутая на все пуговицы рубашка словно притягивали маячащие за его спиной тени, а мрачность его облачения лишь подчеркивала кипенную белизну стоячего воротничка.

Его вид потрясал с первого взгляда.

Я никогда не видела католического священника вживую, но у меня были определенные представления о том, как они должны выглядеть. Тощие, непривлекательные, озлобленные ханжи...

Боже мой, этот человек разрушил все мои стереотипы.

Плотная ткань его черного одеяния не смогла скрыть его крепкого телосложения. Хорошо сложенный, завораживающий — и это даже без

фильтров! Поджарые мускулы напряжены, что особенно видно на швах рубашки, под которой они бугрились и играли. Рукава закатаны до локтя, что подчеркивало сильные руки. Ноги прямые, талия узкая, живот плоский, а грудь широкая.

Что получается — он любит Господа нашего и качается в зале? Не такая уж и безумная идея. Но мозг мне в итоге взорвала возмутительная красота его лица. Та же точеная линия подбородка, которая так привлекала женщин в моих братьях. Закругленные углы, квадратные формы, легкая щетина, сбрить которую до чиста не способен никакой станок.

Его каштановые волосы были слегка взъерошены, короткие по бокам и чуть более длинные на макушке, они выглядели чуть неопрятными. Модный стиль. Молодежный. Хотя на вид он не был так уж молод.

В его чертах читалась мужественность. Никаких морщин. Но в его взгляде угадывалась сила. Тяжелый взгляд, полный жизненного опыта. По возрасту он был ближе к моему брату Уинстону. За тридцать, скорее всего. Слишком старый, чтобы мне понравиться.

Слишком пугающий.

Но... Я не могла отвести от него взгляд. Он стоял, поставив ноги на ширине плеч, положив руки на бедра. Его манера держаться привлекала внимание. Я не знала куда девать взгляд.

Ведь каждая часть его тела вызывала непотребные помыслы. И пугала.

Но его великолепная внешность не могла скрыть холодной ауры, витающей вокруг него. Что-то в нем было не так, нечто в его облике заставляло завывать тревожную сирену в моей голове.

Его глаза насыщенного синего цвета сузились, когда он увидел меня, растянувшуюся на полу. Слава богу, на мне были брюки. Но он не просто смотрел на меня. Он словно кричал взглядом, критиковал и отчитывал всё, что видел, хотя при этом не произносил ни звука. Его холодный взгляд проникал сквозь ребра и останавливал биение моего сердца, заглушая удары пульса.

Но я была не единственной, кого он поразил. Мама не пошевелилась с тех пор, как отворилась дверь. Я даже не знала, дышит она или нет.

Но тут она прочистила горло.

— Вы, наверное, отец Магнус Фальк.

Не сводя с меня глаз, он коротко кивнул. Никакого сочувствия, никакой теплоты, ни намека на одобрение.

Если именно это и был тот самый директор школы, который должен был решать мою судьбу на протяжении следующего года, то я вляпалась сильнее, чем думала.